

Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов

© В.В. Симонова

Академия Наук Республика Саха (Якутия), г. Якутск, Россия

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Предлагаемая статья посвящается классической теме социальной антропологии и этнологии – собирательству недревесных лесных ресурсов коренными народами, в данном случае эвенками села Холодное, Северный Байкал. Этнографический материал, на котором основана статья, скорее относится к истории края, так как был собран уже довольно давно: в 2008 году – тринадцать лет назад. Разумеется, много изменений в локальном социуме и культуре произошло с тех пор, и они еще будут осмыслены антропологами в будущем. Я надеюсь, что моя работа, с одной стороны, послужит документом традиционных экологических знаний и этноэкономических практик собирательства эвенков Северного Байкала, которые я фиксировала в тот период, а с другой стороны, покажет многогранность и сложность альянса человека и ландшафта посредством рефлексии локальных моделей реципрокации знания о местах сбора ценных дикоросов. В статье пойдет речь о том, как местные жители и таежный ландшафт справляются с интересом приезжих собирателей дикоросов, так называемых «всяких», к местной сокровищнице недревесных лесных ресурсов. В этих отношениях культурная память выполняет роль посредника между секретностью и принципами реципрокации знания о значимых местах ресурса северобайкальских собирателей. В статье будет рассмотрено, как формируются отношения между эвенками и тайгой, которые здесь обозначены как отношения альянса через практики собирательства и нарративами о них. Этнографические данные, полученные от эвенков, демонстрируют практические навыки, связанные с организацией, поисками и перераспределением лекарственных трав, кедровых орехов и ягод. Жители села Холодное дают пояснения своего поведения в лесу и отношения к полученным природным ресурсам, демонстрируя сформировавшиеся на протяжении столетий правила взаимоотношения человека с окружающей его природной средой.

Ключевые слова: собирательство, Северный Байкал, эвенки, этноэкономика, реципрокация знаний, альянс человека и тайги, культурный ландшафт, обмен, таежный альянс, социальная антропология

Для цитирования: Симонова В.В. Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 60–78. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78>

Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources

© Veronika V. Simonova

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract: The proposed article is devoted to a classic topic for social anthropology and ethnology – gathering of non-timber forest resources among indigenous peoples, in this case, Evenkis of Kholodnoe village, Northern Baikal region. The ethnographic material, on which this article is based, refers rather to the history of the region, as it was collected quite a long time ago: in 2008. Of course, many changes in the local society and culture have taken place since then, and those dynamics will still be comprehended by anthropologists in the future. I hope that my work, on the one hand, will serve as a document of traditional ecological knowledge and ethno-economic gathering practices of Evenkis, which I recorded during that period, and, on the other hand, will show the versatility and complexity of the human-landscape alliance through reflexion of local patterns of knowledge reciprocity regarding the places of valuable wild-growing products of gathering. This article examines how locals

and the taiga landscape cope with the interest of visiting wild-growers, in the local treasury of non-timber forest resources. In this relationship, cultural memory acts as a mediator between secrecy and the principles of knowledge reciprocity regarding the significant places of the resource of North Baikal gatherers. This article also explains how the relationship between the Evenks and the taiga, here designated as an alliance relationship, is formed through gathering practices and narratives about them. Ethnographic data obtained from the Evenks demonstrates practical skills related to the organization, search and redistribution of medicinal herbs, pine nuts and berries. Inhabitants of the village of Kholodnoye give explanations of their behavior in the forest and their attitude to the obtained natural resources, demonstrating the rules of human interaction with the natural environment that have been formed over the centuries.

Keywords: gathering, North Baikal region, Evenkis, ethnoeconomy, reciprocity of knowledge, human-taiga alliance, cultural landscape, exchange, human-taiga alliance, social anthropology

For citation: Simonova V.V. (2021) Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 60–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78>

Введение

О тайнах и практиках сокрытия сказано немало известными классиками, социологами и антропологами в рамках анализа «секретности» различных обществ и культур (Boas, 1897; Дюркгейм, 2018; Evans-Pritchard, 1931; Simmel, 1906). О секретах, как об основе социальных институтов, включая семью и государство, писал антрополог Майкл Тауссиг (Taussig, 1999). Секретность одна из дискуссионных тем в социальных науках, дилеммы которой до сих пор остаются нерешенными. «Различение тайны как элемента коллективного порядка и тайны как ресурса, доступного отдельным членам сообщества, позволяет выдвинуть гипотезу о социальной функции секретного знания... секрет или тайна определяет форму, которая принимает любое социальное взаимодействие, но не его содержание», по мнению Алексея Бойко (Бойко, 2019. С. 122). Он делает вывод, что тайна доступна описанию лишь как социальная форма, а значит, социология способна описывать секретность, но не сами секреты (Там же. С. 134).

Этнографы, которые изучают секретность, зачастую описывают структуру и функцию социальных систем секретности, избегая размышлений относительно деталей содержания непосредственно самого секретного знания (Lindstrom, 2015. P. 378). Например, антрополог Лаура Сирагуза пишет о динамике статуса секретности в языковых практиках (контекстуальном использовании родного языка) у вепсов, который от роли средства защиты людей, животных и окружающей среды

обрел функцию транслятора родного языка через новые информационные технологии (Сирагуза, 2018).

Тем не менее Зиммель (Simmel, 1906) «коммодифицировал» сокрытое знание и рассматривал секреты как форму «внутренней собственности». Таким образом, коммодификация скрытого знания открывала дверь политической экономике секретности, поскольку если секрет является собственностью, то его можно создать, обменять и потребить, а сама секретность подобна тени культуры и пронизывает всю человеческую деятельность (Lindstrom, 2015. P. 375). Данный подход был воспринят некоторыми антропологами (например, Murphy, 1980).

В предлагаемой работе я расскажу о реципрокации тайны у эвенков Северного Байкала в практиках и этиках собирательства недревесных лесных ресурсов, которая возможна только благодаря локальным отношениям по типу альянса с лесом. Альянс в данном случае не является аналогом актанта, ядра акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура, который в упрощенном виде определяет ее следующим образом: «АСТ — это смена метафоры для описания сущностей: нити (или ризомы, по Делёзу) вместо поверхностей. Точнее, это смена топологии. Вместо мышления в терминах поверхностей (двухмерных) или сфер (трехмерных) предлагается мыслить в терминах узлов, имеющих столько измерений, сколько у них соединений» (Латур, 2017. С. 174).

Альянс человека и ландшафта в культуре и обществе эвенков Северного Байкала возникает как реакция на внешние процессы, способные тем или иным образом воздействовать на сложившиеся модели традиционной экологии. Реципрокация знаний о тайных местах собирателей и реципрокация добытых ресурсов – это связанные, но разные формы культурной практики. Альянс, бесспорно, есть связь природы и людей, но связь, работающая определенным образом, ориентированная на решение конкретных задач: поддерживать сообщество, сохранить среду, получить выгоду и создать уверенность, что жизнь и практика собирательства во всей ее многозначности не изменятся к худшему.

То, каким именно образом жители села воссоздают в воспоминаниях природные динамики ценных мест сбора дикоросов, наглядно демонстрирует разницу между локальным и так называемым «внешним» подходом к тайге. Сохраняя места сбора дикоросов в тайне, местные жители защищают свои таежные ландшафты от внешнего вмешательства или негативно отзываются о нем, когда вмешательство состоялось.

Собирательство является одним из самых надежных видов деятельности, обеспечивающих пропитание в Холодной. Фондал и Сирина (Fondahl, Sirina, 2006. P. 126) подчеркивают важность мест сбора ягод и орехов, а также заготовок лекарственных трав. Однако, согласно некоторым более ранним этнографическим источникам, собирательство не всегда было столь важным для эвенков.

Например, Василевич (Василевич, 1969. С. 89) утверждает, что собирательство не относилось к типичным для эвенков занятиям и служило лишь незначительной и дополнительной поддержкой жизнедеятельности, основанной на натуральном хозяйстве: «эвенки не полагались на собирательство. Они заготавливали дикий лук [*сарана*] на зиму. Эвенки сушили его и делали муку для выпечки хлеба. Кроме того, они солили дикий лук и чеснок в березовых ящиках. Для летнего питания эвенки собирали ягоды и кедровые орехи. Некоторые пожилые женщины сушили черемуху и

хранили ее в маленьких рюкзачках. Они растворяли ее в теплой воде и ели как дополнение к обычной еде. Черемуху добавляли и в муку» (Там же).

Туголуков (Туголуков, 1969. С. 88) аналогично отмечал, что эвенки лишь частично полагались на сбор дикого лука, ягод, орехов, корней и внутренней части сосновой коры [*лапса*]. Как он утверждал, некоторые эвенкийские группы в голодные времена готовили *лапсу* из белой глины. Ни один из этнографов не считает, что собирательство имело большое значение для эвенков. Напротив, в Холодной сегодня собирательство играет важную роль в повседневной жизни. Поэтому, принимая во внимание то, о чем говорили Василевич и Туголуков, модели жизнеобеспечения эвенков изменились в поздний советский период, и признание собирательства как важной практики локальной этноэкономики стоит считать результатом советизации. В то же время собирательство северобайкальских эвенков не является масштабированной практикой, составляющей основу источника монетаризированного дохода локального сообщества, как, например, сбор гриба матсутакэ в Штате США Орегон и провинции Китая Юньнань (Lowenhaupt Tsing, 2015).

Во время полевых работ я наблюдала, что собирательство несет в себе гораздо больше значения, нежели отмечалось ранее и может показаться на первый взгляд. Местные жители хранят продукты собирательства, в том числе и лекарственные средства, обменивают и продают их на местных рынках и распределяют среди сетей своих расширенных родственных связей. Собирательство есть особая форма взаимоотношения с окружающей средой, включающая социальные обязательства по взаимодействию с тайгой и обмену знаниями внутри локального социума.

Определение охотников-собирателей традиционно является довольно строгим в антропологии и экономике. Например, в книге-симпозиуме «Человек-охотник» (Man the Hunter) Мердок (Murdock, 1968. P. 16) указал, что в Сибири только две группы народов (кеты и юкагиры) могут соответствовать корректному определению охотников

и собирателей, и из-за «советской политики аккультурации дальнейшая полевая работа в Сибири вряд ли даст положительные результаты» (Murdock, 1968. P. 16). Понимается, с такой точкой зрения уже поспорили антропологи-сибирианисты, которые на протяжении десятилетий изучали коренное население Сибири. В то же время конкретные привязки в определении собирателей остаются актуальными и ограничивают взгляд ученого. Я предлагаю пересмотреть определение охотников и собирателей на Северном Байкале, которое не должно быть столь однозначным, но обладать более широкой перспективой на отношения человека и ландшафта.

В Холодной нет четкого разделения между охотниками и собирателями. Гендерные и возрастные критерии не работают как культурная мера ограничения. Хотя в регионе стереотипно принято считать (я обычно получала в качестве первого ответа на свой запрос о собирательстве), что, как правило, именно женщины являются более активными собирателями дикоросов, я наблюдала, что почти все жители села вовлечены тем или иным образом в эту практику. Это занятие зависит от ценных мест сбора дикоросов и их расположения в тайге. Охотники вынуждены становиться собирателями, поскольку у них есть доступ к отдаленным участкам леса, где растут желаемые ресурсы.

Локальное собирательство тесно связано с воспоминаниями о природной и социальной динамике тайги, происходившей в этих ландшафтах. Жители Холодной приносят домой не только ягоды, кедровые орехи или лекарственные травы из леса, но и саму тайгу. Собранные ресурсы включают в себя истории о тайге, из которой они были изъяты, и эти истории отвечают требованию культурного обмена знаниями среди собирателей Холодной.

Собирательство – это также глубокая эмоциональная работа и опыт пребывания в лесу. Лаконичная мудрость моего эвенкийского собеседника Алексея Ганюгина уводит от конкретного определения охотников-собирателей, представленного выше. Он утверждает, что пребывание в

таежной среде – это особое состояние души/духа, или же ментальное состояние, которое также можно объяснить, как уникальное отношение к жизни, которое трудно выразить словами. Жители Холодной собирают не просто дикоросы, но, как было отмечено ранее, «саму тайгу», а разнообразные способы собирательства отражают многочисленные представления о лесе.

У собирателей свои исторически и культурно сформированные отношения с таежным ландшафтом. Память об этих отношениях помогает местным жителям делиться знаниями о ресурсах и защищать их. Социальное распределение собранных дикоросов также одновременно является распределением знаний, воспоминаний и историй.

Собирать в тайге и делиться ландшафтом

Собирательство в Холодной – это не только непосредственно сама практика сбора ресурсов, но и сбор самой тайги, или наоборот – примыкание к ней. Такое понимание превращает собирательство в эмоциональный опыт, демонстрирующий, что альянс человека и тайги разрабатывает стратегии манипулирования внешним вмешательством (*всякими*). Метки, сделанные в тайге, служат сигналами для местных жителей, которые предупреждают их о необходимости защиты своих мест сбора дикоросов, создания тактик ограничения незваных гостей.

В Холодной нет четких определений охоты и собирательства. Хотя в местных рассказах собирательство обычно ассоциируется с женщинами, оно также актуально для мужчин-охотников, оленеводов и рыбаков. Поскольку в основном мужчины-охотники и оленеводы имеют доступ к высокогорью, они становятся собирателями в силу социальных обязательств по сбору этих ресурсов и их доставке.

Чем ближе зона произрастания дикоросов, тем больше людей могут там вести промысел. Местные жители считают ближайшей зоной сбора расстояние от двух до пяти километров. Обычно эта зона используется для сбора кедровых орехов и березового сока. За сбор в этой зоне

обычно отвечают местные подростки. Например, холм, известный как ЛЭП [ЛЭП, линия электропередач], является ближайшим брусничным местом. Это место также известно, как медвежье место, поскольку медведи конкурируют с людьми за ягоды и иногда нарочито отпугивают местных собирателей.

Березовый сок, который можно получить весной, считается ценным продуктом для собирателей. Хотя его трудно сохранить, местные жители разработали особый набор приемов, чтобы сок долго оставался свежим. Как объяснил мне Саша Ганюгин, если на ведро березового сока добавить стопку водки (50 граммов), то он остается свежим несколько месяцев. Чистый березовый сок остается свежим не более двух дней.

Почти все жители деревни занимаются сбором березового сока. Сезон сбора довольно короткий и длится всего две недели в мае. Как правило, березовый сок собирают недалеко от деревни. Ваня Иолшин показал мне березы на вершине холма возле деревни, где он поставил двухлитровую банку. На следующий день банка была полной. Как и лекарственные травы, березовый сок является предметом коллективного использования.

Мне сказали, что редкие виды дикоросов не растут рядом с деревней. Редкие ресурсы находятся всегда «далеко» в лесу, так как для них нужны специфические географические особенности, например, горы, расположенные рядом с водными объектами, которые для одних трав должны быть озерами, а для других – родниками и болотами. Местные жители считают, что чем дальше растут растения, тем лучше и полезнее они для человека. Самые ценные лекарственные средства растут в густом лесу и высоко в горах.

Оленевод Леня Тулбуконов рассказала мне, что обычно хорошие травы растут в отдаленных и чистых местах: «Хорошие травы не растут рядом с деревней, где их было бы легко достать. Меня это устраивает, иначе люди забрали бы их все. Чтобы собрать их в тайге, надо напрячься. Нужно хорошо знать места». Способы использования лекарственных трав северобайкальскими эвенками более

подробно рассмотрены В. Давыдовым (Davydov, 2011a¹; Davydov, 2011b).

Хотя рядом с деревней растут некоторые лекарственные травы, они не считаются достаточно «хорошими» для употребления. Света Ганюгина рассказала мне, что, хотя у жителей села есть некоторое количество травы янды (*gentiana – lat.*), собранной недалеко от деревни, они ждут, что кто-то из их родственников привезет янду из горной тайги. Она считает, что «таежные травы» гораздо полезнее для здоровья человека. Кроме того, запасы трав должны пополняться каждый год, так как старые сухие травы не считаются достаточно хорошими. Света посмотрела на свою коробку с травами и сказала: «Я буду иметь в виду, нам нужны свежие травы. Надо попросить дядю Олега, чтобы он в этом сезоне привез новые. Наши слишком старые. Мне кажется, они потеряли свое качество».

Лёня Тулбуконов рассказал, что не очень любит собирать и обычно не собирает ягоды, но каждый год собирает янду, чтобы поддержать свою семью ценным медицинским ресурсом: «Если я не сделаю этого, то кто сделает? Для сестры, племянницы и старого отца это нужно, не для меня».

Некоторые таежные ландшафты, где произрастают эксклюзивные сорта трав, такие как янда и золотой корень (*rhodiola rosea – lat.*), побуждают охотников и оленеводов стать активными и умелыми собирателями. Эти травы не только растут исключительно в самых чистых местах леса, но и требуют особых природных микроусловий, поскольку существуют только вблизи водных мест – озер и родников, текущих у вершин гор. Это не значит, что каждое озеро и родник подходят, например, для янды. Из-за нехватки редких лекарственных трав места, богатые яндой и золотым корнем, обычно держатся в секрете.

На оленеводческой ферме «Номама» я вместе с Валерой Филимоновым собирала янду и золотой корень. Валера продемонстрировал пре-

¹ Davydov, V.N. 2011a. People on the move. Development projects and the use of space by northern Baikal reindeer herders, hunters, and fishermen (in preparation), PhD dissertation, University of Aberdeen, UK.

красное знание природных условий местности и научил меня отличать янду и золотой корень от других растений. Было очень трудно в первый раз научиться отличать лекарственные травы от обычных, особенно янду, которая не выглядела как-то необычно. Валера собирал очень быстро и смеялся каждый раз, когда смотрел на меня, пытающуюся понять, что именно нужно брать. В итоге он дал мне хороший совет: «Если не уверен, что нашел, попробуй на вкус. Если оно горькое, положи это в сумку». Это сработало, и я начала отличать янду от других похожих растений.

Люди – не единственные существа, заинтересованные в янде. Валера сказал мне, что если мы не соберем янду, то это сделают лоси. Лоси и дикие олени любят есть янду, причем они могут съесть самую большую ее часть. Валера считает, что лоси очень умные животные и что они также осведомлены о хороших качествах янды: «Они любят горькие травы, а янда – самая горькая. Ее хорошее качество – во вкусе, лоси [сохатые] это тоже знают».

Янда – дефицитный ресурс, который растет очень медленно. Хорошие места янды уменьшаются из года в год из-за того, что люди собирают почти все, что им удастся найти. Так же обстоит дело и с золотым корнем. Поэтому те, кто знает о хороших местах этих дикоросов, предпочитают хранить это знание для себя в секрете. Более того, среди жителей Холодной не этично спрашивать у человека о хороших местах янды или золотого корня. Если человек хочет поделиться знаниями, он сделает это охотно и по собственному желанию. Расспросы не помогут, а скорее навредят добрым отношениям.

Например, на следующий день после похода Валеры по янду Настя, Женя и Витя тоже решили собрать эту лекарственную траву. Вечером они явились с большим количеством трав в попонках и выглядели очень довольными. Когда Сергей, работавший поваром на ферме, с любопытством спросил Настю, где они были, она улыбнулась и ответила: «Места надо знать!». Этот ответ является одним из примеров манипуляции знаниями. Настя намекнула, что они хотят сохранить свои

знания в тайне. Более того такой ответ – это косвенный способ сказать человеку, что его любопытство по поводу хороших мест неэтично в данном конкретном контексте. И в то же время данная формулировка является социально-приемлемой шуточной формой приостановки беседы. Сергей не стал возражать и прекратил расспросы.

Секретные ландшафты янды и золотого корня делятся между членами локального сообщества. После того как я научилась распознавать потенциал локальной географии и обнаружила «розовый остров» (мой вариант описания места, где я нашла достаточно много золотого корня, который осенью окрашен в розовый цвет) и принесла изрядное количество золотого корня, Сергей сказал: «Тебе удалось найти то самое место, которое я хотел сохранить в тайне. Пожалуйста, не говори никому в деревне, на всякий случай. И, конечно, я возьму с тебя долю (обезжирю)». Точно так же поступили с Настей, Женей и Витей и обязали оставить на ферме небольшое количество собранных ими растений в качестве налога. Обычно моральный канон собирателей предполагает делиться редкими видами трав со всеми, кому они могут понадобиться. Такая система «налога» называется «обезжириванием» – охотничий локальный технический термин, означающий очищение от жира шкурок добытых животных для последующей выделки. Другими словами, это означает, что человек имеет право забрать у успешного собирателя небольшое количество редкого ресурса в пользу локального социума.

На самом деле, чем более эксклюзивным является растение, тем строже правила общественного обмена действуют в его отношении. Хотя собиратели обычно держат в тайне хорошие места ограниченных ресурсов, они открыто делятся собранными ценными травами с остальными. Перед тем как вернуться в деревню Холодная с оленеводческого хозяйства Номама, Юра сказал: «Теперь ты снабдишь всю семью Ганюгиных травами и кореньями, у тебя ведь с ними хорошие отношения. Потом ты поделишься со стариками, затем со стариками своей семьи, а потом со своими

друзьями. Лишь небольшую часть собранного оставишь для себя. Это обычная история. Мы всегда так делаем. В основном старые поделаются с кем-то еще, и вы сами тоже это сделаете. Это круг, который мы должны поддерживать. Обычно тот, кто собирает, забирает себе самую малую долю».

Ягоды не являются предметом обмена с другими членами общины, поскольку ягоды доступны практически всем. Охотники несут ответственность за доставку редких лекарственных трав, не ягод.

Однако обмен редкими ресурсами не подразумевает обмена знаниями о том, где эти ценные травы произрастают. Оленеводы Холодной держат знания о хороших ландшафтах дикоросов в секрете и делятся ими только с небольшим кругом своих близких родственников и компаньонов. Хотя оленеводы оставляют для себя наименьшую часть собранных редких лекарственных растений, а большую часть отдают тем, кому они могут понадобиться, они предпочитают держать в тайне места, где им удалось их собрать.

Валера оставил для себя только два маленьких пучка янды. Он сказал, что этого более чем достаточно, потому что он надеялся, что не будет сильно болеть в том году. Он добавил, что если ему понадобится больше янды, то любой из местных жителей даст ему ее. Он решил продать свою янду жителям деревни, которые не смогли собрать ее в этом году, а остальную разделить между родственниками, пожилыми людьми и хорошими друзьями. Деревня становится социальным хранилищем янды. Собиратель, которому может понадобиться больше ценного сырья, чем у него есть, может легко попросить ее у других.

Делиться редкими ресурсами с местными жителями – моральный долг собирателя, но делиться знаниями о ландшафтах, хранящих редкие травы, – это частное решение. Делиться знаниями о тайге – значит делиться самой тайгой. Местные жители вспоминают, как «беднела земля» в период БАМа, когда вахтовики собирали редкие лекарственные травы. Сергей рассказал мне, что их особенно интересовал золотой корень, и после их отъезда местные жители страдали от нехватки

этого ресурса. Только через несколько лет после отъезда работников БАМа золотой корень снова начал медленно прорастать в некоторых местах вокруг оленеводческого хозяйства Номама².

Воспоминания о том периоде заставили Сергея беспокоиться о «розовом острове», который мне удалось обнаружить у озера Номама. Он успокоился, когда я заверила его, что не собираюсь никому рассказывать о месте, где я нашла золотой корень. Ни Сергей, ни другие оленеводы не собирались делиться хорошими местами со «всеми». Их воспоминания создают крепость секретности вокруг хороших ландшафтов, которая защищает тайгу от неконтролируемого вмешательства.

Музыка кедр: два отношения к сбору шишек

Кедровые орехи (*pinus sibirica* – лат., сибирский кедр – рус.) являются ценным ресурсом как для местных жителей, так и для приезжих. Однако модели сбора у этих категорий людей отличные. Если для местных жителей кедровые орехи являются источником существования, то для приезжих «всех», в основном бамовцев (работников БАМа), они являются формой дополнительного заработка. Если местные жители используют тайгу, в которой они фактически живут и с которой они связаны, и относятся к ней как к своему дому, то бамовцы рассматривают тайгу как место временной работы. Поэтому разное отношение к лесу по-разному влияет на местные ландшафты. Тоня Саканина объяснила мне это по дороге на перевал Акукан, где она обычно собирает кедровые орехи и лекарственные травы.

² В оленеводческом хозяйстве «Номама» рассказ о бамовцах (работниках БАМа), которые жадно собирали золотой корень, постоянно повторялся по вечерам, когда мы разбирали собранные сокровища. Такое отношение привело к постепенному сокращению хороших мест произрастания ценных трав. Однако тайга сама себя регулирует, и хорошие места могут мигрировать. Так золотой корень появляется в других частях леса, но на это требуется время. Я поняла, что смысл этих рассказов служил сигналом для меня: я должна была хранить тайну хороших мест, точно также, как и остальные.

Это было в начале сентября. Тоня и ее друг Гоша пошли собирать кедровые орехи, так как сезон сбора орехов только что начался (рис. 1). Мы перешли речку и шли все быстрее и быстрее, как вдруг Тоня остановилась и сказала: «Слушай! Ты слышишь, как звучит лес? Это ветер. Скоро лес будет звучать по-другому. Скоро придут предприниматели со своими железными молотками и будут бить по соснам, чтобы орехи падали. В это время лес зазвучит как оркестр. Эхо усиливает эффект. Иногда мне кажется, что лес плачет».

Я не понимала, что именно имела в виду Тоня, пока не увидела инструмент для сбора кедровых орехов. Это был деревянный молот длиной в два метра. Гоша взял его и несколько раз ударил по кедру. Дерево отозвалось, и шишки, полные орехов, упали вниз. Тоня добавила, собирая шишки с земли: «Слышите? Представляете, как звучит, когда много людей делают то же самое тяжелыми железными молотками? По звуку леса мы знаем, кто собирает кедровые орехи – местные жители или чужаки. Если звук тихий и слышен из разных мест, то это местный человек. Если он сильный и доносится из одной точки, значит, звук принадлежит дельцам». Тоня рассказала, что колот (длинный деревянный молот) кочует из одного

места в другое. Хозяин колота хранит его в тайном месте, где его оставляют после сбора шишек. Этот секрет передается родственникам и друзьям. Другие не знают, где человек оставил свой колот. Однако они могут случайно найти его. В этом случае, если у них нет разрешения на его использование, они либо оставляют его, либо возвращают на то же место после сбора и стараются сохранить в тайне, что использовали его. Если кто-то находит колот, использует его и не возвращает обратно, это считается неэтичным поведением по отношению к хозяину колота. Особенно это касается тех случаев, как объяснила Тоня, когда дельцы поступают так, потому что им все равно, разобьют они колот или бросят его.

Помимо неправильного использования колота, местные жители помнят, как выглядят деревья после того, как посторонние люди побывали в лесу и собрали кедровые орехи. В основном дельцы используют железные кувалды, но этот метод повреждает и убивает деревья. Местные инструменты деревянные, и поэтому более щадящие деревья. Местные жители приносят деревянные молоты пешком, а чужаки используют грузовики, чтобы доставить железные кувалды в лес. Местные жители стараются не портить дере-

Рис. 1. Тоня и Гоша собирают кедровые шишки вблизи Акукана, 2007. Фото автора
Fig. 1. Tonya and Gosha collect pine cones near Akukan, 2007. Photo by the author

вья при ударах, «всякие» не думают о деревьях, а стараются ударить по ним как можно сильнее, чтобы получить как можно больше шишек. В этом, по словам Тони, и заключалась главная разница в подходе к сбору кедровых орехов.

Я сама попробовала ударить по кедру колотом. Гоша засмеялся и сказал, что надо найти для меня тонкое дерево. Я колотила по дереву несколько минут и наконец услышала звук, доносящийся из дерева, а потом шишки начали падать и разлетаться во все стороны. Тоня стала их собирать и, пока была этим занята, говорила: «Видишь, звук издает деревянный колот, а представь, если бы его сделали большим железным? Бедное дерево, оно же потом умрет, не сомневайся».

Гоша в это время сидел, курил и вдруг говорит: «Хорошее место, а вокруг медведи бродят, я только что видел одного, маленького пестуна (годовалый медведь). Пойдем, сфотографируем его?». Я сомневалась, что это хорошая идея, но Тоне, похоже, идея пришлась по душе. Однако медведя не было, и Гоша потом радовался этому: «Ну почему я такой глупый? Я хотел сфотографировать медвежонок просто так, нас было трое, медвежонок был маленький, а рядом могла быть и его мама! Это просто потому, что у нас теперь есть камера».

Наличие камеры стимулировало желание увековечить таежную жизнь и получить немедленный результат в виде смонтированного видео. Тоня и Гоша были готовы пойти на риск, чтобы получить немедленную видеопомощь. Я не возражала, но позже пожалела, что доверилась их энтузиазму и уверенности. Это чувство появилось после того, как я услышала много историй о собирателях ягод, которые случайно встретили агрессивных медведей. Действительно, риск встретить медведя вблизи деревни вполне реален. Тоня вспомнила, что за день до того, как мы хотели сфотографировать пестуна, Люба Жигун тоже видела медведя недалеко от того места. Однако она не вернулась в деревню, а продолжала собирать немного ниже того места.

Гоша взял колот и продолжил извлекать звуки вместе с шишками из кедра. Мы с Тоней соби-

рали шишки, пока сумка не наполнилась. Тоня радовалась: «Сегодня хороший день, пойдем обратно?». Хотя они устали, мы шли очень быстро, так как хотели как можно скорее добраться до реки и попить воды.

Действительно, разные отношения с тайгой обуславливают разные способы сбора кедровых орехов. Местные жители относятся к сбору кедровых орехов как к одному из основных видов деятельности в таежных ландшафтах. При сборе они проявляют такое же уважение к тайге, как и при охоте, поскольку тайга отзывчива и, по их представлениям, может контролировать человека.

У местных жителей есть свои сроки сбора в зависимости от количества шишек. Например, в 2008 году Николай Антонов обнаружил, что кедровые орехи можно собирать и весной. Это был хороший год для собирателей кедровых шишек. Он заметил, что кедровые орехи падают и при нормальных условиях переживают зиму. Он собрал несколько кедровых шишек и к своему удивлению обнаружил, что они пригодны для употребления в пищу. Это открытие вызвало новую волну собирательской жизни в деревне. Люди приветствовали новый сезон сбора и с удовольствием ели кедровые орехи и весной. Семья Коли была горда его открытием и счастлива от новой возможности получать больше орехов в год.

Дельцы не считают тайгу независимым агентом и используют ее для своего бизнеса. Тайга не может их контролировать, это может сделать только закон. Но если для местных жителей тайга всегда в курсе поступков и поведения людей, то для дельцов закон – это то, что можно игнорировать и обойти. Местные жители слабо верят, что закон может защитить тайгу от ущерба, который наносят дельцы, собирая кедровые орехи. Дельцы обычно нарушают официальные сроки сезона сбора и становятся кедровыми браконьерами. Официальный сезон сбора кедрового ореха начинается 5 сентября. Любой вид сбора кедровых орехов до этой даты является незаконным согласно государственному законодательству.

Нарушение регламента сроков сбора кедровых шишек, свойственное так называемым ба-

мовцам, заставляет местных жителей делать то же самое. Когда я спросила Гошу, почему местные жители собирают шишки раньше положенного срока, он ответил: «Потому что бамовцы так делают, мы тоже должны так делать. Если мы будем ждать и собирать в официальные сроки, мы ничего не соберем, бамовцы все заберут до нашего прихода!».

Тоня сказала, что на местном рынке они продают небольшое количество орехов по сравнению с чужаками. Когда она упаковывала шишки, то взяла одну шишку и выбросила ее со словами: «Это для бурундуков! Это наш вклад в их запасы. На самом деле, это их место, и им тоже нужна еда. Иногда люди разрушают норы бурундуков и забирают много шишек из их зимних хранилищ. Люди грабят бурундуков». Тоня сказала, что люди должны оставлять им что-нибудь, даже если сбор не очень удачен. Действительно, несколько бурундуков следовали за нами, когда мы собирали на их территории, и Тоня вернула им несколько шишек.

К кедровым шишкам равнодушны не только бурундуки, но и медведи. Если год особенно богат кедровыми шишками, медведи держатся подальше от деревни, так как им хватает кедровых орехов в горах. Если же год для них неблагоприятен, они подходят ближе к деревне и собирают кедровые шишки вместе с людьми. Иногда медведи пытаются отпугнуть людей раздраженным ревом, но иногда они молча сопровождают их обратно в деревню. По словам Октябрины, медведи показывают, что тайга принадлежит не только людям. Они защищают свои территории, и люди должны помнить, что медведям тоже нужна пища.

Местные жители признают, что медведи и бурундуки имеют равные права на кедровые шишки. Дельцы заботятся только о собственной выгоде. Тоня убеждена, что если посторонние не будут оставлять кедровые шишки для медведей, последние спустятся ближе к деревне, и шанс встретить их вблизи человеческих поселений значительно возрастет.

Хотя колот является известным инструментом собирателей шишек, не все жители Холодной

пользуются им. Например, холоднинские оленеводы собирают шишки «по дороге» к стаду или по возвращении к своему основному зимовью. Они не используют колот. Они забираются на дерево и трясут его. Некоторые шишки падают вниз, и другие участники действия собирают их с земли. По дороге к стаду оленефермы Номама, Яша предложил собрать шишки. Валера и Витя огляделись вокруг, чтобы найти тонкую сосну. Вдруг Витя увидел такую и быстро полез на дерево. Когда он достиг вершины дерева, то стал трясти его и кричать: «Иди сюда! Собери их, быстро! Они разбегаются!»

Оленеводы не продают шишки, как многие жители Холодной. Они собирают их в качестве дополнительного источника питания, скорее деликатеса. Вечером оленеводы сидят за столом, беседуют или смотрят телевизор. Они кладут на стол кедровые шишки, чистят их и едят орехи. Свежие орехи являются для них десертом. Они могут лакомиться орехами в течение дня во время перекусов. Яша рассказал мне, что на самом деле они едят не столько орехи, сколько саму тайгу: «Когда мы едим орехи, мы знаем, что собрали их в тайге своими руками. Они чистые, от природы. Нам они очень нравятся. Это здоровая и вкусная пища, это сама тайга и есть». Обычно они добавляют, когда едят собранную в лесу пищу: «В тайге грязи не бывает!».

Два разных отношения (местных жителей и приезжих) к сбору кедровых орехов приводят к двум разным пониманиям тайги. Для местных жителей сбор кедровых орехов должен быть деликатным процессом, поскольку люди не единственные заинтересованные лица в недревесных ресурсах. Люди признают, что делят тайгу с другими существами и должны помнить об их интересах. Кроме того, в сборе участвует и сам таежный ландшафт. Люди знают о его сезонной динамике и о реакциях других существ, вызванных ею. Сбор кедровых орехов находится под контролем ландшафта в широком смысле. Жители Холодной верят, что собирают относительно небольшое количество орехов по сравнению с так называемыми «всякими», и подобное отношение к промыслу

порождает представление о щадящем отношении к ресурсу и местам сбора, свойственное местным жителям.

С другой стороны, дельцы стоят особняком от контроля естественной динамики тайги и потребностей ее обитателей. Эта социальная когорта имеет свои собственные интересы и подходит к тайге как к пространству для работы. Такое отношение не дает тайге возможности ответить, что вызывает открытое осуждение местных жителей. Тайга молчит, но звуки промысла «всяких» дают сигнал местным жителям о том, что тайга страдает от чужих методов сбора кедрового ореха. Однако этот звук является сигналом только для местных собирателей, которые научились распознавать его и молча сопереживать ландшафту, сохраняя в памяти каждое небольшое изменение и разницу в отношении к партнеру альянса – таежному ландшафту.

Доступные и скрытые знания о хороших «ягодных пятачках»

Сбор ягод стал важной составляющей традиционных экологических знаний и промыслов эвенков Северного Байкала. Элемент секретности среди собирателей ягод Холодной относительно хороших ягодных мест является важным компонентом местных социально-экологических взаимодействий. Подобно локальносформированным принципам обмена знаниями о сборе лекарственных трав и кедровых орехов, хорошие ягодные места также держатся в секрете.

Ягоды составляют важную часть пищевого рациона жителей Холодной. Процесс сбора ягод представляет собой отношения с тайгой, которые местные жители установили благодаря длительной практике и воспоминаниям. Эта деятельность требует от людей обширных и скрупулезных знаний о ягодных местах и их динамике, умения приспосабливаться и быть чувствительными к самым незначительным изменениям окружающей среды. Кроме того, собирательство имеет много общего с культурным повествованием. Места, куда люди собираются отправиться на промысел, потенциально богаты ягодами, но возможно и раз-

очарование. Собранные ягоды представляют собой не только продукт питания и реципрокации, но содержат рассказ о хороших или плохих местах, и о том опыте, который был получен во время сбора. Дальнейшая судьба ягод представляет собой продолжение нарратива.

Марина Арпиульева обычно смешивает разные ягоды в варенье и компоте. Также она просто оставляет свежую бруснику в банках, так как она долго остается пригодной в пищу. Зимой из свежих ягод она готовит варенье и варит фруктовые напитки. Варенье, засушенные или проданные на местном рынке ягоды включаются в расширенный локальный нарратив, связывающий социальные и экономические отношения с тайгой. Также, как и травы, ягоды никогда не выступают обезличенным продуктом потребления и обмена, но всегда наполнены нарративным смыслом и воспоминаниями, и воспроизводят культурные принципы социоприродного взаимодействия и этики.

В Холодной сбор ягод имеет большое значение почти для всего населения деревни, и у этого промысла есть своя история. Как вспоминает Октябрина, практика сбора ягод всегда имела большое значение для эвенков в этом районе. Эвенкийское название женщины-мастера по сбору ягод – *тывликак*. Кроме того, Октябрина связывает эту практику с женской активностью в эвенкийской культуре. Согласно рассказам, которые Октябрина узнала от своей матери, женщины могли охотиться, делать юрту, ухаживать за детьми и собирать ягоды. В отличие от них, мужчины охотились на соболей и полагались на длительные охотничьи сезоны. В любом случае, сбор ягод был преимущественно прерогативой местных женщин. Умелый собиратель ягод – ягодник должен делать это быстро и чисто, а наивысшего мастерства в сборе можно достичь, если человек умеет собирать ягоды обеими руками.

Октябрина и ее муж Захарыч – опытные ягодники. Они помнят, что раньше эвенки использовали для сбора ягод специальный инструмент – *биток*. Чтобы собирать ягоды битком, сборщик должен был быть очень хорошо обучен,

иначе он рисковал рассыпать ягоды. Октябрина вспоминает, что ее мать умела очень быстро собирать ягоды битком. Октябрина несколько раз пыталась освоить навык матери, но у нее ничего не получалось, и она решила продолжать собирать ягоды обычным способом: голыми руками. Биток используется в основном для сбора голубики и не подходит для других сортов ягод. Также в качестве контейнера для собранных ягод люди использовали *набирок* (маленькую берестяную корзинку). Люди вешают *набирок* на пояс или на шею, в зависимости от того, что удобнее в данной ситуации и для конкретного человека. Некоторые эвенки украшают *набирок* орнаментом. Когда *набирок* наполняется, сборщик опустошает его и перекладывает ягоды в большую березовую корзину – *потка*, которая привязывается к *поняге*. В настоящее время при сборе ягод люди используют разные виды поток, которые могут крепиться как к попоне, так и к рюкзаку. Кроме того, люди делают пластиковые *потки* из пластиковых бутылок из-под масла, купленных в местном магазине (рис. 2).

Сбор ягод требует времени на подготовку, несмотря на то, что люди обычно тратят не более одного дня непосредственно на промысел в лесу не слишком далеко от дома. Как правило, кроме инструментов, необходимые для сбора ягоды, помимо «тары» (москитной сетки, мази от комаров, пары перчаток и платка) люди обычно берут с собой в лес еду. Отсутствие еды может вызвать слабость в лесу и привести к тому, что вечером, когда собиратели подводят итоги рабочего дня, ягод будет меньше, чем ожидалось. Анна Ганюгина рассказала мне, что однажды она рассчитывала на небольшое количество еды и вернулась, к удивлению членов своей семьи, лишь с наполовину заполненной корзиной черники: «Я взяла только полхлеба и баночку сайры. Я думала, что этого мне хватит на весь день в лесу. Конечно, это было не так! В результате я осталась голодной и не могла собирать ягоды так, как обычно. Мама удивилась, когда я вернулся домой с таким маленьким ведерком ягод. Что ж, важно позаботиться о себе заранее, иначе вы рискуете потратить время впустую».

Рис. 2. Ученики Киндигирской школы собирают бруснику. Во время сбора они используют березовые корзины потки и пластиковые контейнеры, чтобы принести ягоды домой, 2007 г. Фото автора

Fig. 2. Students of the Kindigir school collect lingonberries. During harvest, they use birch baskets – potki and plastic containers to bring the berries home, 2007. Photo by the author

Собиратели Холодной иногда берут с собой чай, однако они предпочитают «варить чай» прямо в лесу. Поэтому они берут с собой чай и чайник, а не термос. Рита Арпиульева вспоминала, что Михаил Черных взял бутылку вина в подарок хозяину леса [брызнуть хозяину]. Рита рассказала, что они также часто приветствуют хозяина леса водкой. Они брызгают несколько капель водки в огонь и на землю, чтобы угодить духу леса и получить хороший ягодный сезон. «Я лично часто беру с собой бутылку водки, когда иду собирать ягоды. Собственно, почти все мои спутники так и делают. Это для хозяина тайги и для нашего развлечения. У нас не так много возможностей собраться вместе, и сбор ягод – одна из таких возможностей. В повседневной жизни мы слишком заняты, и нам очень трудно собрать людей в одном месте. Мы рады видеть друг друга в лесу, и почему бы не выпить вместе рюмку водки во время сбора ягод? Перед тем как начать собирать ягоды, мы всегда кипятим воду для чая. Приходим на место, делаем табор, раскладываем еду, разводим костер, завариваем чай, выпиваем по рюмочке водки и расходимся в разные стороны. К обеду собираемся снова. Быстро завариваем чай, едим еду, снова выпиваем водки и снова расходимся. Вот и все. Одной бутылки хватает на два глотка на пять-шесть человек».

Приветствие хозяина леса происходит только один раз в сезон сбора. После приветствия люди продолжают пить водку для удовольствия. Каждый человек индивидуально решает, приветствовать ли ему хозяина леса во время сбора. Некоторые вообще не пьют водку на ягодных местах, а некоторые собиратели подкармливают духа хозяина каждый раз, когда наступает ягодный сезон.

Кроме так называемых «обычных наборов» ягод (брусника, черника, клюква), которые интенсивно собирают местные жители, они также поддерживают свое хозяйство ягодами рябины, жимолости, смородины каменной, смородины красной. В болотистой местности люди собирают морошку и ягоды шикши (*Ėmpetrum* – Lat.). Жители Холодной используют эти ягоды в медицин-

ских целях, так как считают, что эти ягоды хорошо регулируют кровяное давление. Марина рассказала: «Мы варим варенье из шикши. Вообще-то шикшу собирают люди, у которых есть проблемы с кровяным давлением. Они хранят ягоды зимой. Люди с нормальным давлением обычно не едят шикшу. Ну, вы едите шикшу иногда, когда собираете другие ягоды. Когда вы видите ее, вы вспоминаете, что она полезна для здоровья, и берете ее. Шикша – редкая ягода. Вы можете найти ее случайно недалеко от деревни».

Районы Перевал и Номама считаются местами произрастания жимолости и шикши. Однажды, когда мы ехали в оленеводческое хозяйство Номама, Юра Черноев рассказал мне об уникальном свойстве жимолости, которая в тайге может заменить воду: «Смотрите, это жимолость. Вкус не тот, к которому мы привыкли: слишком горький. Однако она очень полезна для здоровья. Вы редко можете найти ее рядом с деревней. Используйте свой шанс и ешьте как можно больше по пути. Не забывайте также о шикше. Сейчас я хочу пить, поэтому мне нужно осмотреться и найти ее. Я слышал, что раньше эвенки скорее «пили», чем ели шикшу. То есть они ели ее, когда хотели пить, но воды рядом не было. Действительно, шикша очень водянистая. Если ее взять в руку и съесть, то жажда быстро утолится».

Настя и Женя впервые посетили оленеводческую ферму Номама, о которой были наслышаны. Они хотели собрать как можно больше черники. В качестве основных инструментов для сбора девушки взяли два больших молочных бидона. По дороге на оленеводческую ферму во время остановок для отдыха девочки внимательно смотрели по сторонам и оценивали, богаты ли эти места желанными ягодами. Настя с радостью узнала, что год выдался урожайным: «Этот год будет хорошим. Мы привезем домой много ягод. Медведи не агрессивны, так как у них много еды, поэтому они не будут нас пугать, надеюсь. Будет легко собрать и сварить варенье, если у ребят на ферме будет достаточно сахара».

Когда мы пришли на ферму, Настя и Женя взяли свои молочные бидоны и убежали искать

чернику. Когда они вернулись на ферму с полными бидонами, то сразу поделились ягодами со всеми. Они сварили варенье, а на десерт поставили на стол свежие ягоды. Как и подозревала Настя, у оленеводов на ферме не хватало сахара. Чтобы сохранить ягоды в надлежащем состоянии, Настя и Женя варили так называемое «временное варенье» с небольшим количеством сахара, которое потом они собирались переварить с необходимым количеством сахара по возвращении в Холодную.

Несмотря на то, что процесс сбора является общественным мероприятием, у собирателей есть и индивидуальные стратегии в поиске так называемых хороших мест в лесу. Собиратели распространяются по лесу обычно после того, как они достигли точки отправления вместе как группа. При этом они продолжают нести ответственность за безопасность друг друга. Когда Настя и Женя собирали ягоды, они время от времени оглядывались, чтобы проверить, все ли в порядке друг с другом. Если они не видели кого-то, то начинали громко звать друг друга. Настя была сосредоточена на сборе, и вдруг она поняла, что потеряла Женю из виду. Настя стала кричать, но Женя не отвечала. Настя начала волноваться за подругу. Она перестала собирать ягоды и попыталась найти Женю. Через несколько минут Женя закричала в ответ, и Настя почувствовала облегчение и успокоилась. Она упрекнула Женю, что та не ответила раньше, но Женя оправдывалась и говорила, что не слышала никаких звуков, так как была полностью погружена в процесс сбора. Девушки обменялись знаниями о качестве только что изученного места и дали друг другу советы о том, куда стоит или не стоит идти. Перед тем как снова разойтись по лесу, Настя сказала: «Женя, пожалуйста, будь осторожна. Я думала, что тебя медведь задрал! Будь ближе ко мне и отвечай, если я позову тебя. Иначе я буду волноваться за тебя, и это будет нехорошо для нас всех».

Сбор ягод состоит как из групповой, так и индивидуальной работы. С одной стороны, люди чувствуют ответственность за безопасность друг друга и успешные результаты промысла. С другой

стороны, каждый собиратель имеет индивидуальную стратегию и полагается на тактические знания о том, как найти хорошие места и, возможно, сохранить их в тайне для личной выгоды.

Местные жители рассказывают истории о несчастных случаях, произошедших с собирателями, которые отправились в лес в одиночку или в паре. Например, весьма распространены истории о людях, которые собирали ягоды в местности, обитаемой медведями. Например, летом перед моей полевой работой, медведь убил двух ягодников в районе Дзелинды. Рита сказала мне: «Мы должны быть осторожнее при сборе ягод и смотреть по сторонам. Нужно собирать ягоды сообща».

Обычно такая ужасная история вызывает вопрос о правильном поведении при сборе ягод. Люди, которые неправильно ведут себя в лесу и игнорируют установленный этикет сбора ягод, входят в группу риска, как сказала мне Рита: «Я помню один случай. Одна женщина решила сохранить в тайне хороший пятак. Мы вместе пришли в лес, но через некоторое время потеряли ее. Мы звали ее, но она не отвечала. Один из нас заподозрил, что она от нас прячется. В принципе, так бывает, если человек не хочет делиться хорошим ягодным пятком. Наконец, когда мы вернулись на вокзал, она ждала нас там с полными корзинами. Мы спросили ее, где она была, но она отказалась отвечать. Это было обидно, ведь мы беспокоились, все ли у нее в порядке. Она боялась, что мы заберем ее ягоды. Она не понимала, что подвергалась риску! Вокруг бродят медведи или еще что-нибудь могло случиться! Таким поведением она могла сорвать все предприятие!».

Процесс сбора представляет собой, в числе прочего, соревнование с медведями за ягоды, аналогичное описанному выше соревнованию за кедровые орехи. Истории о медведях, случайно встреченных ягодниками, являются типичными нарративами, циркулирующими среди собирателей Холодной. У разных ягодников существуют разные представления о том, как избавиться от медведя, если они заметили его во время сбора ягод. Кто-то предпочитает шуметь и пугать медведя, кто-то молча уходит, а кто-то просто игно-

рирует присутствие медведя, продолжая сбор и постепенно отодвигаясь с его территории. Октябрина Лекарева вспоминает, как они с мужем встретили медведя, собирая бруснику недалеко от деревни: «Мы собирали бруснику, когда я почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Я понял, что это, должно быть, медведь. Действительно, мы услышали рев медведя недалеко от нас. Мы решили не обращать на него внимания. Не стоит бояться медведя, иначе он может напасть. Мы просто продолжали спокойно идти и время от времени собирали ягоды. Мы услышали, что медведь преследует нас. Он перестал нас преследовать, когда мы уже почти дошли до деревни. Это случилось на перевале Акукан. Это место считается медвежьим. Вообще, ягодные места всегда находятся под контролем медведей. Мы делим его с ними и должны быть осторожны, но не пугаться. Нужно помнить, что они существуют и тоже любят ягоды».

Действие в соответствии с определенным набором этических норм является гарантом успеха в сборе ягод. Если человек присоединяется к группе в лесу, а затем пытается собирать ягоды в одиночку, это считается аморальным, поскольку рассматривается как саботаж коллективного духа собирателей. Как мне объяснили, в этой ситуации человек скрывает свой собственный опыт, но в то же время использует знания других. Когда человек не кричит или не отзывается в ответ, когда его зовут другие, все участники процесса начинают нервничать. В сознании собирателей сразу же появляются плохие мысли о медведях или несчастных случаях. В результате сбор может быть нарушен.

Хотя эгоцентричное поведение не является моральным в лесу из-за возможного риска, страх или паника также недопустимы. Если человек во время сбора иногда встречает медведя, он должен спокойно и уважительно покинуть территорию общих интересов и медленно без паники идти обратно в деревню.

Сохранение в тайне хороших мест более характерно для тех, кто в своем хозяйстве в значительной степени зависит от ягод. Например, Тулбуконовы являются настоящими специалистами

по сбору ягод для продажи на местном рынке, а также снабжают односельчан, нуждающихся в ягодах. Более того, местные собиратели ягод конкурируют с иркутскими. Как отмечает Марина, люди из Иркутской области едут на Северобайкальский рынок, чтобы продать свои ягоды по справедливой и хорошей цене. Поэтому у Тулбуконовых есть свои подпольные ягодные места, куда они предпочитают ходить без сопровождения. Они бдительно соблюдают конспирацию своих лакомых мест, поскольку в основном полагаются на ягоды как источник дохода и пропитания. Тулбуконовы предпочитают не говорить много о хороших местах и обычно ходят за ягодами «под прикрытием», чтобы собрать ценное сырье отдельно от групп местных и «всяких» ягодников. Такая стратегия помогает семье держать знания о своих хороших местах в секрете и циркулировать только внутри семьи. В результате у них меньше потенциальных конкурентов.

Как утверждает Петя Тулбуконов, хорошие места меняются из года в год. Процесс поиска хороших мест начинается с воспоминаний о прошедшем сезоне сбора. После проверки своих хороших мест, собиратели пытаются найти новые, если их не устраивают уже проверенные места. Таким образом, знание о хороших местах является динамичным и непостоянным. Тактика поиска хороших мест вместе с техникой сбора – это более или менее индивидуальный опыт. Личное решение каждого – делать знание о хороших местах общедоступным или нет. В результате некоторые хорошие места остаются тайной для жителей Холодной.

Например, все жители села знают, что гора ЛЭП – хорошее место для брусники. Алум, или второй стан также известен как место, богатое брусникой. О том, что «Белый камень» – хорошее место для черники, знают не все жители села. Рита Арпиульева была разочарована, когда впервые увидела Белый камень: «Я ожидала чего-то более грандиозного. А камень совсем маленький и неприметный. Люди так много говорят о месте с Белым камнем, но на самом деле это не так интересно».

Ее внук Сема-кан тоже был расстроен: «Я тоже был разочарован. Я ожидал увидеть что-то большое и золотое». Вообще, ягодные места люди называют «полями», а работу по сбору ягод – «ходить на поля». Каждое ягодное место ограничено радиусом движения местных собирателей. В верхнем течении реки Холодная люди собирают бруснику в месте под названием Тузив. Акукан также считается хорошим местом для сбора ягод. Если ягодник начинает сбор слишком рано (что особенно актуально для тех, кто хочет собрать редкие виды ягод, такие как каменная смородина и жимолость), это негативно оценивается остальными. Ягоды являются местной ценностью, и начало сезона сбора строго оговаривается. Сроки сбора зависят от погодных условий, которые в разные годы влияют на разные сорта ягод.

Знание ягодных мест также включает в себя знание того, какие ягоды нельзя брать из-за их несъедобности. Действительно, на Северном Байкале можно встретить ядовитые ягоды, такие как вороний глаз и волчья ягода [волчье лыко]. «Если съешь – сразу умрешь [копыта отбросишь]», – предупредил меня Сема-кан Младший, когда мы шли по лесу, и я заметила ягоды, которых раньше не видела. Люди избегают прикасаться к ядовитым ягодам и учат детей распознавать их и отличать от обычных.

Количество людей в группах собирателей может варьироваться от двух до двадцати человек, как вспоминает Рита. Кроме того, за ягодами ходят не только жители Холодной. В ягодных местах Холодной можно встретить людей из Кичеры, Северобайкальска, Нижнеангарска, Душкачана. Известные ягодные места привлекают людей даже из относительно отдаленных районов, таких как поселок Ангойский. Рита Арпиульева вспоминает, что примерно пятнадцать лет назад она с подругами ездила за черникой в Северомуйск (около 300 километров от Холодной) на поезде. В настоящее время популярными черничными местами являются Неручанда, расположенная в пяти километрах от села Кичера, и Дзелинда, находящаяся примерно в двадцати пяти километрах от Холодной по дороге на Кичеру. В этих местах собирают ягоды и мужчи-

ны, и женщины, но иногда у женщин и мужчин есть отдельные места для сбора ягод. Рита Арпиульева утверждает, что женщины обычно собирают ягоды в Дзелинде, а мужчины предпочитают ездить на сбор ягод в Неручанду.

Перед началом сезона сбора ягод, люди обращают внимание на погодные условия. Если лето будет достаточно теплым, жители Холодной могут начать собирать ягоды раньше, и наоборот. Поэтому некоторые места, которые запомнились как богатые на ягоды, могут превратиться в бедные. Как рассказала Рите Арпиульевой Валентина Черноева, то же самое происходит с обычно плодородными ягодными участками в районе реки Номама. Чрезвычайно холодные погодные условия стали причиной неурожая ягод. Хотя местные жители помнят даты начала сезона сбора, они полагаются на свой опыт, приспосабливаясь к погоде. Например, сезон сбора морошки начинается двадцатого июля и длится примерно две недели. Затем на смену морошке приходит сезон черники, который длится один месяц до начала сентября. Позже собирают и бруснику, и болотную чернику (голубику).

Дети очень любят есть черемуху, собирают ее с большим удовольствием и каждый год ждут, когда она созреет. Сема-кан Младший предложил мне собрать черемуху. Его бабушка Рита Арпиульева возразила. Она сказала, что сейчас не время для ягод, и он должен подождать, когда черемуха будет готова к употреблению. Однако Сема-кан Младший возразил в ответ и сказал, что черемуха уже достаточно черная и сладкая. Рита Арпиульева сказала, что по сравнению с прошлым годом, этот год действительно другой, и люди никогда не знают точно, когда наступит подходящее ягодное время. Мама Семы Марина сразу же попросила Сему взять мешок и принести черемухи домой. Взрослые тоже с удовольствием добавляют муку из черемухи в свою выпечку. В местном магазине пряники с черемухой очень популярны, и быстро раскупаются.

Выводы

Тайны ландшафтов эвенков-собирателей заключены в их альянсе. Собираительство является

важной традиционно-экологической и этноэкономической практикой, и включает в себя разнообразные отношения с местным ландшафтом и социальные отношения, которые я обозначила как альянс человека и тайги. Принцип совместного использования собранных ресурсов содержит элемент секретности. Коллективное использование ресурсов и взаимодействие с тайгой не являются идентичными процессами для местных жителей. Если обмен редкими лекарственными травами может быть моральным долгом, то обмен знаниями приемлем только среди близких родственников и друзей. Местные жители помнят негативные последствия, вызванные исключительно потребительским отношением «дельцов» в позднесоветский период, и эти воспоминания поддерживают идиому секретности, контролирующую социально-экологические взаимодействия и защищающую тайгу от нежелательных посетителей.

Существует локальное понимание различия между дельцами и местными собирателями, основанное на разной форме отношения к тайге. Местные собиратели используют деликатные методы и инструменты для сбора и заботятся как о тайге, так и о ее обитателях, которые также как и люди заинтересованы в подобных ресурсах. Опыт тайги включает в себя контакт с другими обитателями, кроме людей, и именно таким образом тайга контролирует местных собирателей. В отличие от них, дельцы не признают интереса нечеловеческих действующих лиц (актеров) так, как это делают местные жители, и поведение дельцов не поддается контролю морали реципрокации с тайгой, свойственной местным жителям.

Собиратели Северного Байкала – динамичная социальная категория. Охотники могут стать собирателями, когда нужны редкие недревесные ресурсы. Тайга разрушает строгие границы между категориями собирателей и несобирателей. Собирательством занимается практически все население Холодной. Формы взаимодействия с тайгой у собирателей – это результат их экологических знаний, индивидуального опыта пребывания в тайге и наблюдения за тем, как относятся к тайге при собирательстве иные категории «не местных».

Местные жители хранят эти различные формы отношения к тайге в своей памяти. Каждый раз, когда они собираются на промысел, они вспоминают эти формы взаимодействия и динамику тайги, вызванную ими. Принципы обмена знаниями зависят от ресурсов и моральных обязательств. Редкие ресурсы, такие как лекарственные травы, распространяются только среди жителей села. Знания о местах, где можно найти эти ресурсы, не являются тем, чем можно поделиться со всеми. Сохраняя эти знания в тайне, местные собиратели защищают тайгу от интенсивного использования чужаками.

Секретность – это инструмент контроля циркуляции и реципрокации экологических знаний в локальном социуме. Местные жители помнят, как менялась тайга. Хотя у них нет власти контролировать тайгу, они делятся тайной ландшафтов с конкретными членами сообщества, и эти знания становятся инструментом сохранения лесного ландшафта и этноэкономики. Хотя местные жители обеспокоены проблемой промысла пришлых собирателей, они знают, что их возможности ограничены. Местные знания и секретность являются результатом длительного союза между людьми и ландшафтом. Местные жители считают, что без связи с тайгой любое предприятие вряд ли будет успешным. Тайны ландшафтов, с одной стороны, просты – это богатые дикоросами, удобные места, отвечающие стандартам локальной культуры собирателей в рамках их традиционных экологических представлений. В этом случае, этнография затрагивает не только процесс создания секретности и раскрывает ее значимость для культуры, но и сам секрет, что социологи (см. Введение) полагали практически невозможным. С другой стороны, тайны ландшафтов – это незримая граница, умело сотканная для «всяких», заметных по следам, которые они оставляют в тайге (вспомните, например, поврежденные деревья и опустошенные места золотого корня). Эти следы становятся проблемой для альянса человека и тайги. Тайга удаляет «хорошие места», и «всякие» не могут найти тот же ресурс в том же месте в то же время, а местные жители разрабо-

тали системную стратегию, основанную на глубинном понимании лесной жизни, и преобразовали ее в тайну. У ландшафтов и людей на Север-

ном Байкале свои секреты, а значит, их альянс устойчив и силен.

Библиографический список

Бойко А.К. Тайна и социальное: от антропологии конфиденциальности к социологии секретности // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 112–138.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Ленинград: Наука, 1969. 304 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой; под науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–200.

Сирагуза Л. Вепские секреты: двуязычие, переключение кодов и практики сокрытия // Этнография. 2018. № 1. С. 185–194.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. Москва: Наука, 1969. 215 с.

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Smithsonian Institution. United States National Museum. With 51 Plates. US Government Printing Office. 1897. P. 313–738.

Davydov, V.N. Public health and folk medicine among North Baikal Evenkis. The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. David G. Anderson (ed.) Edmonton: CCI Press, 2011b. pp. 129–146.

Evans-Pritchard E.E. Mani, a Zande Secret Society. *Sudan Notes and Records*. 1931. Vol. XIV. Part. 2. Pp. 105–148.

Fondahl, G., Sirina, A. 2006. Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia – Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*, Vol. 5, No. 2, pp. 115–138.

Lindstrom, L. Secrecy. *Anthropology of International encyclopedia of the social and behavioral sciences*, 2015. Pp. 374–379.

Lowenhaupt Tsing A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins, 2015, Princeton University Press, Princeton, 2015, 352 pp.

Murdock, G.P. The current status of the world's hunting and gathering peoples. Richard B. Lee and Irven DeVore (eds.) *Man the hunter: the first intensive survey of a single crucial stage of human development – man's universal hunting way of life*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. p. 13–23.

Murphy, W.P. Secret knowledge as property and power in Kpelle society: elders versus youth., Africa. 1980. Volume 50, Issue 2, pp. 193–207. DOI: 10.2307/1159011.

Simmel G. The sociology of secrecy and of secret societies. *American journal of sociology*, 1906, Volume XI.

References

Boiko A.K. (2019) Mystery and the Social: From the Anthropology of Privacy to the Sociology of Privacy. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power*. Vol. 31. No. 4. P. 112–138. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1969) Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century). Leningrad: Nauka. 304 p. (In Russ.)

Dyurkgeim E. (2018) Elementary Forms of Religious Life. Moscow: Elementary Forms. 808 p. (In Russ.)

Latur B. (2017) On the actor-network theory. Some clarifications, complemented by even more complications. *Logos*. Vol. 27. No. 1. P. 173–200. (In Russ.)

Siraguza L. (2018) Vepsian Secrets: Bilingualism, Code Switching and Hiding Practices. *Etnografiya = Ethnography*. No. 1. P. 185–194. (In Russ.)

Tugolukov V.A. (1969) Reindeer Riding Pathfinders. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.)

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Smithsonian Institution. United States National Museum. With 51 Plates. US Government Printing Office. 1897. P. 313–738.

Davydov, V.N. (2011b) Public health and folk medicine among North Baikal Evenkis. The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. David G. Anderson (ed.) Edmonton: CCI Press, pp. 129–146.

Evans-Pritchard E.E. Mani, a Zande Secret Society. *Sudan Notes and Records*. 1931. Vol. XIV. Part. 2. Pp. 105–148.

Fondahl, G., Sirina, A. 2006. Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia – Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*, Vol. 5, No. 2, pp. 115–138.

Lindstrom, L. Secrecy. *Anthropology of International encyclopedia of the social and behavioral sciences*, 2015. Pp. 374–379.

Lowenhaupt Tsing A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins, 2015, Princeton University Press, Princeton, 2015, 352 pp.

Murdock, G.P. The current status of the world's hunting and gathering peoples. Richard B. Lee and Irven DeVore (eds.) *Man the hunter: the first intensive survey of a single crucial stage of human development – man's universal hunting way of life*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. p. 13–23.

Murphy, W.P. Secret knowledge as property and power in Kpelle society: elders versus youth., Africa. 1980. Volume 50, Issue 2, pp. 193–207. DOI: 10.2307/1159011.

Simmel G. The sociology of secrecy and of secret societies. *American journal of sociology*, 1906, Volume XI.

No. 4, pp. 441–498.

Taussig, M. Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative. Stanford: Stanford University Press. 1999. 328 p.

Сведения об авторе

Симонова Вероника Витальевна,

доктор антропологии (Ph.D.), кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований геосистем,

Академия Наук Республика Саха (Якутия), 677007, г. Якутск, пр. Ленина, 33, Россия, руководитель Центра Арктических и Сибирских Исследований Социологического Института, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская 25/14, Россия,

✉ e-mail: siveronika@yandex.ru

Заявленный вклад автора

V.V. Симонова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 23 апреля 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 23 мая 2021 г.

Принята к публикации 7 октября 2021 г.

No. 4, pp. 441–498.

Taussig, M. Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative. Stanford: Stanford University Press. 1999. 328 p.

Information about the author

Veronika V. Simonova,

Ph.D. in Social Anthropology, Cand. Sci. (Sociology), Principal Investigator at the department of Ethnosocial and ethnoeconomic research of geosystems,

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), 33, Lenin Avenue, Yakutsk 677007, Russia,

Head of Centre of Arctic and Siberian Exploration at Sociological Institute,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,

25/14, 7th Krasnoarmeiskaya street, St. Petersburg 190005, Russia,

✉ e-mail: siveronika@yandex.ru

Contribution of the author

V.V. Simonova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received April 23, 2021.

Received May 23, 2021.

Accepted October 7, 2021.